

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

К. В. ВЯТКИНА

ПЕРЕЖИТКИ МАТЕРИНСКОГО РОДА У БУРЯТ-МОНГОЛОВ

Сложный комплекс обычаев и обрядов, равно как язык и фольклор, дают нам большой материал, рисующий пережитки родового строя у бурят-монголов.

Как монгольский, так и бурятский род обозначался термином *oboh* ∞ *obog*¹. Обычно считалось, что род вел свое происхождение от одного предка — *ebüge*. Слово *oboh* ∞ *obog* происходит от старинной формы *obag*. Последнее этимологически родственно тюркским словам «*otaq*», «*отақ*», «*obaq*», «*оба*», означающим род².

Термин «*ebüge*» — предок также тесно связан с термином «*obog*».

Весьма вероятно, что эти термины зарождались еще в период материнского рода. Наименование прапаматери монгольских родов термином «*emegep*» стоит в близкой связи с термином «*ebüge*»³.

У алтайских тюрков (телеуты) термин «*emegender*» прилагался к названиям духов, изображаемых в виде кукол. Они давались женщине при выходе замуж как хранители ее благополучия в новой семье. Название духов «*emegender*» указывает на связь этих духов с материнским родом. Так, «*ämäyän*» у телеутов означает: матушка, старуха; этим же термином мужья называют своих жен; «*ämägän*» у кумандицев означает: жена, супруга⁴.

Прапаматерью многочисленных монгольских родов считалась женщина «Алан-гоа». Покровительницей родового культа бурят считалась также женщина.

Термин «*obog*» — род и «*yasun* ~ *jasun*» — кость употребляется у монгольских племен в одном и том же значении⁵.

У ойротов род, экзогамный союз кровных родственников, чаще всего обозначается термином «*yasun*»⁶.

Наиболее детальный анализ этнографических материалов заставляет предположить, что термин «*jasun*» — кость стал употребляться в значении рода уже на более поздней стадии. В процессе дробления первоначального рода отдельные члены рода давали начало «*jasun*» — новому роду, имеющему своим предком одного «*ebüge*».

Следуя Энгельсу, можно, вероятно, считать, что имя «*ebüge*» (предка) являлось именем первоначального рода, фратрии⁷.

Предположительно можно думать, что имена предков бурят — «Бу-

¹ Термины взяты нами с транскрипции Б. Я. Владимирцова (Общественный строй монголов, Л., 1934).

² Б. Владимирцов. Цит. соч., стр. 46.

³ Там же, стр. 47.

⁴ Н. П. Дыренкова. Идеология материнского рода у алтайских тюрков. Сборник памяти В. Богоразы. М., 1937, стр. 127.

⁵ Б. Владимирцов. Цит. соч., стр. 46.

⁶ Там же, стр. 132.

⁷ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., стр. 84 — 85.

рядом» и «Хорсадай» являются именами первоначальных фратрий, которые входили в бурятское племя.

Предок — ебүге всегда тесно связан с материнским родом и названием тотема. Отсюда становится понятным общее почитание представителей разных ясуи одного родового культа, связанного с женщиной-родоначальницей⁸.

Мифический родоначальник бурят — Булагат (он же по другим вариантам сын Бурядая) считается сыном темносерого быка-пороза Буха-ноён-бабая, у которого он был взят на воспитание шаманкой Асухан. Второй родоначальник, Эхирит, был воспитан рыбой налимом и усыновлен шаманкой Хусыхэн⁹. Наши исследования¹⁰ тотемизма у бурят-монголов показывают, что и бык Буха-ноён-бабай и рыба налим являлись тотемными животными. Связь их с шаманками Асухан и Хусыхэн является также весьма существенным моментом. Как мы уже говорили, покровительницей и родоначальницей бурятских родов являлась женщина-шаманка.

Пережитки материнского рода нашли отражение в старинных бурятских былинах. Так, в былине Абай-Гесер-Богдохан указывается, что во главе западных тэнгэринов (божеств) находится бабушка Манзан-Гөрмө.

К ней во всех трудных и опасных случаях обращается самый старший из 55 западных тэнгэри — Хан-Тюрмес-Тэнгэри. От нее он получает советы и наставления, и ей он молится как покровительнице¹¹.

В сказках «Охин батор» (девица-богатырь) и «Охин-хан» (девица-царь) указывается, что в царстве их все подданные — девицы и весь скот состоит из коров, овец, кобылиц и коз. Девица-богатырь и девица-царь со своими воинами-девицами выезжают на охоту и на войну.

По словам бурят Балаганского уезда, единственная дочь Буха-ноёна, Эрхе-Субэн, служила начальницей в области «уленши», в которой жили лишь одни женщины и девицы; они занимались вышиванием,

⁸ Необходимо отметить, что исследователи бурят-монголов конца XIX и начала XX вв. и русская администрация крайне затемняли понятие рода. То, что они называли бурятским родом, по существу являлось территориальным объединением разных «ясу» или костей, которые и являлись в полном смысле родами, рассеянными по разным территориальным группировкам.

В сборнике «Сказания бурят, записанные разными собирателями» (Записки Восточносибирского отдела Русского географического общества, т. I, вып. 2, 1890 г.) мы находим подтверждающий материал. Так, например, поколение, или ясу (кость) Боян входило в роды или территориальные объединения: Атаганов, Ашибагатский, Чикойско-харанутский и 1-й Селенгинско-харанутский.

Точно так же поколение Галзот входило в роды: 2-й Сартольский, Алагуевский и Табангутский. Мы не будем останавливаться на других многочисленных примерах подобного рода.

По обычаю бурят, если незнакомый гость входил в какую-либо юрту, то после первых приветствий его спрашивали, к какой кости он принадлежит. Если гость оказывался того же «ясу», что и хозяева, то его принимали особенно радушно.

Каждый бурят должен был знать название своего ясу и перечислить всех своих предков по мужской линии, начиная от отца и деда, поднимаясь по восходящей линии до 7-го — 8-го и даже 10-го поколения.

У западных бурят в силу диалектических особенностей род (кость) назывался не «яса», а «яха».

Любопытен был у бурят обряд разделения костей — «яхи халахо». Размножившийся род через старейших своих родовичей решал вопрос о необходимости разделения. В назначенный день все старейшие представители рода съезжались, молились предкам и на границе родовых участков ломали надвое котел и лук, указывая при этом, что, как две половины котла и две половины лука никогда не составят больше целого предмета, так и две ветви рода никогда больше не составят одного.

⁹ Сказания бурят, записанные разными собирателями. Записки Восточносибирского отдела Русского географического общества, т. I, вып. 2, 1890, стр. 95.

¹⁰ См. нашу работу «К вопросу о пережитках тотемизма у бурят-монголов». Советская этнография, 1933, № 5—6.

¹¹ М. Хавгалов. Свадебные обычаи, поверья и предания у бурят Унгинского уездного ведомства. Этнографическое обозрение, 1898, № 1, стр. 39

шитьем одежды и выделкой кожи. В «уленши» попадали умные и красивые девушки и молодые женщины, мастерицы шить и кроить¹².

По преданию западных бурят, первой шаманкой на земле была женщина, которой шаманский сан был передан орлом по приказанию высших божеств-тэнгэринов.

Интересно отметить, что название шаманки — утган, удган, одган, ёдóган одинаково у тюркских и монгольских племен¹³, в то время как мужчины-шаманы имеют разные названия. У тюркских народов шаман называется «кам», а у монгольских — «бо». Появление одинакового названия для женщин-шаманок у тюркских и монгольских племен указывает на общие стадиальные моменты, имевшие место на ранних ступенях исторического процесса.

В основе наименования женщины-шаманки лежит тюркское слово «ут», означающее огонь. Слово «ут» в значении огня в монгольском языке исчезло, но оно сохранилось в дериватах огня. Так, дым по-монгольски называется «утан», а «утха» значит происхождение от одного огня, от одного очага или семьи¹⁴.

Отголосок связи материнского рода с огнем-очагом мы имеем в обычае унгинских бурят делить огонь — «гала убаха» при свадебных обрядах. Здесь огонь обычно делился матерью жениха. Она отправлялась в юрту молодых и разводила новый очаг при помощи огня, принесенного из родительской юрты.

Огонь, горящий в каждой юрте, должен был происходить непременно от родового огня. Никогда не допускалось, чтобы родовый огонь потух. При перекочевках обычно буряты везли в золе тлеющие головешки.

Интересны воспоминания западных бурят о женском суде. Он устраивался в случае бездетности супругов. По обычаю, на суде должны были участвовать семь старух. Молодые женщины, девушки и мужчины устранились от участия. Собравшись у бездетного бурята, старухи готовили тарасун и саламат, затем, разложив саламат и разлив тарасун по чашкам, они размещали последние вокруг очага; часть пищи бросалась в огонь в виде жертвы. После этого самая старшая старуха, сняв с себя штаны, била сидевшего у очага бездетного бурята, приговаривая: «Спи со своей женой, чтобы родились дети. Докуда будешь бездетным?» Далее то же проделывали и все остальные старухи. По окончании суда ели саламат и пили тарасун¹⁵.

К пережиткам материнского рода относятся и обязательства дяди по матери к своим племянникам — детям сестры. В бурятских сказках брат нередко выступает защитником детей своей сестры. В предании о переселении из Монголии за Байкал Бахака Ирбанова и Адая указывается, как за оклеветанного Бахака заступает перед ханом и мстит его дядя (нагаса) по матери, Адай¹⁶.

При рассмотрении терминов родства у бурят обращает на себя внимание то, что многие термины отражают классификационную систему родства. Из приводимой ниже таблицы номенклатуры родства мы видим, что целый ряд терминов относится лишь к строго определенной

¹² М. Хангалов. Женская община и шаманка у бурят (рукопись, хранящаяся в Иркутском музее); его же, Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Труды Восточносибирского отдела Русского географического общества, т. V, 1903, стр. 192—193.

¹³ Г. Цыбиков. Культ огня у восточных бурят-монголов. Бурятский сборник, вып. III—IV, 1927.

¹⁴ Там же.

¹⁵ М. Н. Хангалов. Балаганский сборник. Труды Восточносибирского отдела Русского географического общества, т. V, 1903, стр. 247; его же. Женская община и шаманка у бурят (рукопись, хранящаяся в Иркутском музее).

¹⁶ Сказания бурят, записанные разными собирателями. Записки Восточного отдела Русского географического общества, т. I, вып. 2, 1894, стр. 125.

Номенклатура родства

Народы и племена	Отец	Мать	Старший брат	Младший брат	Сестра старшая	Сестра младшая	Сестры	Брат отца (дядя со стороны отца)	Брат матери (дядя со стороны матери)	Сестра отца	Сестра матери	Дед
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Закаменские буряты	Бацбай	Ивы	Аха	Лу	Эгеши	Эгешиду	—	Абагай	Нагаса	Абагад-зе	Нагасадзе	Таубай
Хоринские буряты	Эцеге	Эхиджи	»	»	—	Ухин-дудуй	Эгешин	»	»	Абагай хэтэ эгешин	—	—
Арматские тунгусы	Бацбай	Ивы	»	Дегу (ду)	—	Ду-ухинду	»	»	Нагаса эгешин	—	—	—
Буряты вообще	Эцэгэ-бацбай аба	Эхиджи	»	Лу	Эгешин	Ду бацган бага-ду	—	»	Нагаса	Абага-эгешин, абагаиджин	Нагаса эгешин	—

Народы и племена	Дед со стороны матери	Дед со стороны отца	Бабушка	Бабушка со стороны матери	Бабушка со стороны отца	Брат деда	Брат бабушки	Сестра деда	Сестра бабушки	Дети братьев	Дети сестер
	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Закаменские буряты	—	—	Тууба	—	—	Абагай	Нагаса	Абагад-зе	Нагасадзе	Уеле	Булунгут
Хоринские буряты	—	Убугун эцеге	Гамагажи	Нагосиджин	Убугун эцеге	—	—	—	—	—	—
Арматские тунгусы	То-аувай	—	—	Тууба	—	Абагай	Нагаса	Аба эгешин	Нагаса эгешин	Уелингут	Булунгут
Буряты вообще	Нагаса-эцэгэ	Убугун эцеге ихэ эцеге	—	Нагоса-эхэ	Эмегэ-эхэ эмэгэджин	—	—	—	—	—	—

категории родственников, среди которых различают старших (аха) и младших (ду), родню по мужской линии, вернее, родню по отцу — «абага» и родню по матери — «нагаса». Отец называется «эцеге» и «аба»; термином «абагай» называется как брат отца, так и брат деда; именем «абагадзе» называется сестра отца и сестра деда; дед по отцу будет «убугун эцеге», дядя по отцу — «абага аха», тетка по отцу — «абага эгеши», дед по матери — «нагаса эцеге», тетка по матери — «нагаса эгеши». Женщина называет всех своих братьев и восходящих родственников своего рода «нагаса». Этим именем дети сестры называют дядю по матери и детей брата матери; точно так же внуки по линии женской называют брата бабушки — «нагаса».

Дети сестры по отношению к ее братьям и восходящим родственникам ее рода будут «дзэ». Этим именем дед называет внуков по дочери, так называют дети брата детей сестры. Дети брата будут по отношению к его сестре или своей тетке «аши». Дети двух братьев называют друг друга «уеле», дети двух сестер — «буле».

Невестка не может называть по имени старших родных мужа — отца, его дядей, старших братьев — они для нее «хадам», а она для них — «бэрэ».

Жену старшего брата младшие братья зовут «бэргэн» или «аха бэргэн». Именем «бэргэн» замужние сестры называют жен своих братьев.

Интересно, что термином «эхэ» называется мать, однако через прибавление к этой основе суффикса множественного числа получается слово «эхэнер», означающее вообще «женщина». Мы не можем не видеть здесь отголоска того времени, когда все женщины той или иной родовой группы считались матерями всех детей этой группы.

У баргузинских бурят сын сестры играл весьма почетную роль на свадьбе детей ее брата, которым он приходился «дзэ».

Следы древнего взаимоотношения дяди и племянника мы находим и в монголо-ойротском уставе 1640 г., где в статье 118 говорится: «между людьми, имеющими племянников по матери (подразумеваются дяди и племянники), долговых счетов нет; если племянник что-либо и украдет у родных по матери, вины нет, а только обязан отплатить отдарком»¹⁷.

Мы должны обратить внимание и на следы группового брака, которые нашли свое отражение в левирате, когда по обычному праву бурят жена покойного брата переходила к другому брату, и в свободе половых отношений на «надане» — вечеринках, устраиваемых во время свадьбы до отъезда невесты к жениху. «Надан» проходил под открытым небом у костра, где молодежь всю ночь веселилась и плясала танец ёхор. Ритмические движения танца совершались по кругу, символизирующему движение солнца. Связь солнца, неба, огня, дня и ночи с моментом ранней организации человеческого общества чрезвычайно интересна; на этом вопросе мы останавливаемся в специальной работе.

К той же категории следует отнести обычай, по которому сородич жениха, принявший на своего коня невесту во время ее увоза (имитация похищения) из дома родителей, спал с невестой в период пребывания матери невесты в доме жениха.

Связь с материнским родом в свадебных обрядах подчеркивалась не только пребыванием матери невесты в доме жениха, но и тем, что, например, у тункинских бурят этот сородич был одет в невестину одежду, которую он передавал невесте в «шине герь» — новой юрте.

К пережиткам материнского рода относится и тот факт, что юрта для новобрачных привозилась из рода невесты. Здесь, вероятно, имел место отголосок того времени, когда муж переходил в дом жены. С переходом к отцовскому роду этот момент нашел свое отражение в переходе жены со своей юртой.

¹⁷ Голстунский. Монголо-ойротский закон 1640 г., стр. 57.

Интересным указанием на первоначальную принадлежность имущества невесты к материнскому роду служит факт подвоза приданого невесты к кругу женщин у юрты жениха, где происходили затем борьба и отнятие подушки мужчинами с жениховой стороны. Обязательная победа со стороны мужчин символизировала победу отцовского рода.

К пережиткам материнского рода следует отнести и специальные женские тайлганы, сохранившиеся в западных районах наряду с общеродовыми тайлганами, где присутствие замужних женщин как чужеродок не допускалось.

Женские тайлганы у западных бурят носили название «тõхõрён», у унгинских и бильчирских бурят они назывались «эзинхи тайлга»¹⁸.

Тõхõрён устраивался обычно в тот же день, когда мужчины уезжали на тайлган. Оставшиеся женщины и некоторые девушки собирали с каждого дома сметану и муку, затем старухи с тарасуном и молочной пищей «хурунгой» отправлялись на место тõхõрён, вблизи улуса. Здесь они рассаживались перед «тургэ» (священной березкой), одна из них разводила огонь, после чего совершался обряд «сагалха» — приношение огню тарасуном с молочными продуктами.

Затем приходили девушки и молодые женщины с мукой, сметаной и тарасуном, разводили огонь и ставили котлы, в которых варили саламат. В это время несколько старух отходили в сторону, вставляли в круг и начинали танцевать национальную пляску «хатарха»; поплясав немного, старухи уходили на прежнее место, а хатарха продолжалась молодежью. По мере готовности саламата часть его ставилась в чашках на столике перед тургэ, остальное же съедалось присутствующими.

После возвращения мужчин с тайлгана привезенное ими мясо поступало в тõхõрён и сами мужчины принимали участие в плясках.

Переход от материнского рода к отцовскому сопровождается своеобразным комплексом взаимоотношений между родами.

Энгельс указывал: «По мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и порождали, с другой стороны, стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить обычный порядок наследования в пользу своих детей. Но это не удавалось, пока происхождение устанавливалось по материнскому праву. Последнее надо было отменить, и оно было отменено». Далее: «Достаточно было простого решения, что на будущее время потомство мужских членов рода должно оставаться в нем, тогда как потомство женщин должно быть исключено из него и перейти в род своего отца. Этим отменялось определение происхождения по женской линии и наследование по материнскому праву и вводилось определение происхождения по мужской линии и право наследования по отцу. Мы ничего не знаем о том, как и когда эта революция произошла у культурных народов»¹⁹.

Многочисленные этнографические материалы у разных народов позволяют уловить отдельные моменты перехода от одного типа рода (материнского) к другому (отцовскому). До самой Октябрьской революции в свадебных обрядах бурят имитировался увоз невесты. Нередко после свадьбы женщина уезжала в дом родителей и жила в течение целого года, до появления ребенка, что символизировало связь ее со своим родом. Одна из легенд бурят Унгинского ведомства рисует переход от материнского рода к отцовскому в следующем виде: «Когда Эсэгэ-Малан-Тэнгэри высватал дочь богатого Хангая за своего сына, то он отвез сына к невесте, но сын постоянно уходил домой. Тогда Эсэгэ-

¹⁸ М. Хангалов. Женская община и шаманка у бурят (рукопись, хранящаяся в Иркутском музее).

¹⁹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1938, стр. 53.

Малан-Тэнгэри по совету шамана Ноён-Бубея привез невесту к своему сыну и устроил первую свадьбу. Для этого Ноён-Бубей заколол барана, голову с дыхательным горлом, сердцем и легкими взял себе, затем приказал вырубить березу и вкопать ее в землю. Эта береза была названа «тургэ». На тургэ шаман повесил шубу жены Эсэгэ-Малан-Тэнгэри, и невеста бросала жир своему свекру, после чего невеста не уходила от своего жениха»²⁰. Аналогичные предания существовали и у кудинских бурят.

Во время свадебных обрядов у унгинских бурят обычно на «тургэ» вешали онгон — «хстхо онгон» и на прислоненной к «тургэ» жерди — шубу матери жениха²¹. Заметим, кстати, что у монголов родственники по матери или родственники жены обозначаются особым термином «törgüd» (тörgүд), множественное число от «törgün»²², что в основе имеет один и тот же корень с «тургэ». Точно так же монгольское слово «туругулху» значит рождать²³, воспитывать, вскармливать, а турул — род, поколение, родство²⁴.

Отсюда, естественно, напрашивается расшифровка обряда, связанного с «тургэ», как обряда, символизирующего близкое родство женщин, переходящих в новый род, с родом матери.

Пережитком переселения мужа в дом жены является обычай, существовавший у монголов, по которому отдавали на длительный срок в «зятя» молодого человека в семью его будущей жены²⁵. Об этом повествуют и сказания бурят. Один из свадебных обрядов у западных бурят рисует этот древний момент в следующем виде: жених после поклонения родовым онгонам переходил в общество девиц со стороны невесты, последние к воротнику его халата пришивали косу с украшениями, то же проделывали и со всеми молодыми людьми со стороны жениха, после чего все шли на вечеринку²⁶.

Из институтов переходного периода необходимо отметить отдачу детей на воспитание родственникам по материнской линии и компенсацию за возвращенного ребенка; мы здесь, несомненно, сталкиваемся с тем моментом, когда на известном этапе истории родового строя существовало положение, при котором, несмотря на переход женщины в группу мужа, дети ее еще не принадлежали отцовскому роду и, повидимому, связывались с тотемом матери. Однако с укреплением патриархального родового строя уход детей из отцовского рода вступает в противоречие с новыми производственными отношениями, и требовалось закрепление их за родом отца путем выкупа у рода матери.

При рождении ребенка у бурят шаман обычно брал его под свое покровительство. Он получал за это скот, взамен чего давал ребенку «хашухан» — плетку из дерева «хухей» с колокольцами и лентами, которая должна была служить символом охраны ребенка от злых духов. Шаман обычно должен быть из своего рода. Напомним, что по преданию бурят первыми шаманами были женщины — покровительницы рода.

Связь некоторых обычаев с материнским родом выступает и в обычном праве бурят; так, нередко у бедного отца мог взят на воспитание его ребенка брат его жены — нагаса (дядя ребенка по матери). Когда ребенок подрастал, нагаса должен был вернуть его в род отца. Если

²⁰ М. Хангалов. Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят. Угдинского воеводства Балаганского округа. Этнографическое обозрение, 1898, № 1, стр. 39.

²¹ Там же, стр. 62.

²² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 48; см. также словарь Голстунского, т. III, стр. 194.

²³ Словарь Голстунского, т. III, стр. 190.

²⁴ Там же, стр. 188.

²⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 42.

²⁶ М. Хангалов. Женская община и шаманка у бурят (рукопись, хранящаяся в Иркутском музее).

женщина рожала ребенка, то он записывался на нагасу. При выходе ее ~~записывался~~ мог отдать или не отдать ей ребенка²⁷.

В § 39 Степного уложения хоринцев (1808 г.) говорится: «Если кто-либо ~~отдал~~ другому на воспитание своего сына, то за воспитание ~~однолетнего~~ ребенка кормилица может взять семь рублей за год, на ~~втором~~ году (за воспитание двухлетнего ребенка) — шесть рублей за год, за воспитание в течение года ребенка трех лет — пять рублей, за год воспитания ребенка по четвертому году — четыре рубля, на пятом году — три рубля, на шестом — два рубля, на седьмом году — сто копеек. восьмилетнего ребенка воспитывают бесплатно, но должны давать ему одежду и пищу, девятилетний мальчик пусть получает 100 копеек заработной платы, десятилетний — 3 рубля, двенадцатилетний — 4 рубля, тринадцатилетний — 5 рублей, четырнадцатилетний — 6 рублей, пятнадцатилетний — 7 рублей, а после сего мальчик пусть уже своими силами ищет заработка»²⁸.

В старину надевали штаны на мать ребенка, усаживали ее, и женщина, берущая ребенка, кланялась ей, что означало «Эхийн Умойдэ мургүхү» — поклонение материнским штанам²⁹. Обычай отдачи детей на воспитание в родственную по материнской линии группу известен у многих народов, в частности, этот обычай хорошо проанализирован на Кавказе, где он известен под именем «атальчества»³⁰.

Все формы вознаграждения за ребенка со стороны его отца представляли собой известного рода компенсацию, выкуп ребенка у материнского рода; к той же категории выкупа потомства у рода следует отнести и калым, столь широко распространенный у многих народов. Сюда же следует причислить и подарки со стороны патрилинейной родни родственникам невесты при свадебных и других обрядах.

Остановимся на одном из любопытных обрядов, известном под названием «милангут». Он устраивался через год после рождения ребенка (обычно — первенца). У западных бурят сородичи приносили тарасун от каждого семейства, который брызгали высшим и добрым духам. Отец ребенка заготавливал угощение и пригонял табун лошадей. Главными распорядителями праздника являлись женщины. Они выбирали из табуна кобылицу, ловили и кололи ее без участия мужчин. Сваренное мясо и саламат сородичи делили между собой и частично уносили домой. Старухам и гостям от имени ребенка давались подарки. Когда еда и питье приближались к концу, женщины ставили у дверей караул из старух, которые должны были никого не выпускать из юрты, особенно мужчин. Женщины делали смесь из сажи и масла и ею мазали лицо и тело прежде всего отца новорожденного, затем всех мужчин, особенно женатых, но бездетных. После этого обряда ребенок становился как бы равноправным членом рода³¹.

Обычай «милангут» в разных вариантах встречался как у западных, так и восточных бурят и был связан с большими расходами. Существенную роль здесь играли женщины и подарки со стороны отца сородичам, особенно пожилым женщинам. Нельзя не видеть в этом обряде отголоска выкупа ребенка отцовским родом у материнского.

²⁷ Архив Академии Наук СССР, фонд 282, «пись 3, № 10.

²⁸ В. А. Рязановский. Монгольское право. Приложение, Харбин, 1931, стр. 15.

²⁹ Архив Академии Наук СССР, фонд 282, «пись 3, № 10.

³⁰ М. Косвен. Аталычество. Советская этнография, 1935, № 2.

³¹ М. Хангалов. Балаганский сборник. Труды Восточносибирского отдела Русского географического общества, т. V, 1903, стр. 248; см. также Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, серия II, № 2, 1913, стр. 95.